

Итальянский текст периодики Сибири 1890–1910-х гг.

Наталья Е. Никонова

On Italian Texts in Siberian Periodicals from the 1890s to the 1910s

To date, it has been proven that Siberian and especially Tomsk periodicals acted as the primary conduit for the cultural development of Siberia from the 1890s to the 1910s. In particular, newspapers published translations of foreign literature, reviews of theatrical productions and literary and critical reviews related to foreign written culture. The Italian text of the Siberian pre-revolutionary press, on the one hand, is of interest regarding the verbal culture of the territory and regional cultural identity formed in the conditions on the frontier. On the other hand, the Russian-Italian dialogue performed by journalists of Siberian publications deserves special attention as a precedent for the resonant reception characteristic of the turn from the nineteenth to the twentieth century, which represents a special stage in the history of intercultural contact.

Keywords: Translation Studies, Imagology, Italian Literature, Siberian Periodicals

Natalia Egorovna Nikonova, National Research Tomsk State University (Russia);
nikonat2002@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских учёных. Проект МД 852.2019.6 «История русской переводной литературы рубежа XIX–XX вв.: на материале периодики регионов Российской империи».

Die Welt der Slaven xx (20xx) x, xxx–xxx

ISSN 0043-2520

Русско-итальянские литературные связи являются предметом пристального внимания исследователей-славистов XXI в. В 2000–2010-х гг. внимание ученых определялось, во-первых, парадигмой компаративистики, применение сравнительно-исторического метода было нацелено на дополнение знаний науки о русской литературе и ее европейских связях. В этом контексте были освещены творческие и биографические контакты виднейших русских поэтов и писателей с Италией, ее культурой и словесностью. Об итальянских связях В.А. Жуковского см. в работах А.С. Янушкевича (2002), О.Б. Лебедевой (2011), И.А. Поплавской (2011), восприятию К.Н. Батюшковым итальянской литературы посвящена монография И.А. Пильщикова (2003). Об итальянском тексте Н.В. Гоголя и его образе Италии писали Д. Боргезе, Р. Джулиани (2016),

Т.Л. Владимирова (2010) и др. Э.М. Жилиякова и И.Б. Буданова (2017) открыли интереснейшие замыслы А.Н. Островского, связанные с итальянской драматургией. Э. Ло Гатто, М.Н. Розанов, А.А. Асоян (1989) охарактеризовали итальянский след в художественном сознании А.С. Пушкина.

Во-вторых, в истории изучения русско-итальянского межкультурного диалога было открыто направление, во многом благодаря деятельности Международного исследовательского центра Россия-Италия. В результате сотрудничества появились интереснейшие работы о локальных сверхтекстах русской литературы, связанных с Венецией (Меднис 1999), Флоренцией (Гребнева 2009), Неаполем (Лебедева & Янушкевич 2014), а также установлено, что именно они «обладают потенциальным тексто- и смыслопорождающим статусом в истории русской литературы» (ibid.: 21). Наконец, внимание исследователей сконцентрировалось и на том, чтобы восстановить картину взаимоотношений русской эмиграции с итальянской культурой и обществом в первой половине XX в. (см. Русские в Италии 2009–2020). Результаты этой масштабной исследовательской работы составили необходимый методологический фундамент для изучения итальянского текста литературной периодики дореволюционной Сибири.

Изучение переводной литературы в сибирской периодике как имагологического инструмента, активно участвующего в формировании культурной идентичности, было начато по инициативе О.Б. Кафановой и В.А. Доманского в начале XXI в. (Кафанова & Разумова 2009) К настоящему дню гуманитарной наукой доказано, что сибирские, и преимущественно томские периодические издания этого времени выступали главным транслятором областнической программы культурного развития Сибири. Речь идет о газетах, в которых публиковались оригинальные и заимствованные переводы зарубежной литературы, рецензии на театральные постановки и литературно-критические обзоры, связанные с зарубежной словесной культурой. Как отмечают Н.В. Жилиякова, В.В. Шевцов и Е.В. Евдокимова,

«самостоятельность мышления многих сибирских журналистов, особый подход к разработке тем [...] позволяют считать томские газеты и журналы базой для развития литературного и литературно-критического процессов в Сибири, [...] областничество, действительно, являлось стержнем всей прессы Томска и Томской губернии» (Жилиякова et al. 2015: 277).

Фактически речь идет об идеях главных идеологов сибирского областничества, утверждавших, что имагологический посыл является необходимым при взаимной интеграции в рамках формирования региональной культурной идентичности, и ведущую роль при этом играет словесная культура территории, которая для обоснования Своего нуждается в обращении к Иному. В контексте программной идеи культурного плюрализма художественный перевод и критическая рецепция иноязычной словесности играли одну из

основных ролей. Мотивы выбора авторов и произведений для перевода, стратегии их трансформации, сопутствующие им критические и аналитические обзоры, определенно, предназначались для создания той почвы, о которой писал Н.М. Ядринцев в 1873 г.: «Идеалы общечеловеческого развития воспримутся, они носят в современном воздухе, они пройдут и в зарождающуюся национальность, но им надо дать почву» (Ядринцев 1918: 180).

Изучение восприятия инонациональных литературных традиций на страницах дореволюционной периодики Сибири имеет богатую традицию во многом благодаря одной из научных школ Филологического факультета ТГУ, сложившейся на кафедре романо-германской филологии. Художественные переводы, рецензии на постановки пьес иностранных драматургов, критика произведений зарубежной словесности на страницах изданий «Сибирский листок», «Сибирская газета», «Сибирский вестник» и др., представляют научный интерес не только с точки зрения стратегий восприятия, сопоставимых с рецептивными интенциями Российского Центра, но и для понимания процессов оформления региональной культурной идентичности, складывавшейся за счет прямого сопоставления Своего и Чужого, часто в обход Центра. Достаточно основательно изучены и освещены на данный момент стратегии восприятия английской (Никонова et al. 2016а), французской (Никонова et al. 2016б), немецкой (Никонова et al. 2016в) и польской (Никонова 2018) литературы в периодических изданиях 1890–1910-х гг.

Переводы с итальянского, как и переводы с других европейских и азиатских языков, выступают неотделимой частью истории словесной культуры территории. Их анализ с точки зрения переводоведческой, герменевтической, историко-культурной перспективы, с одной стороны, открывает специфику локального сегмента русско-итальянских литературных связей. С другой стороны, он призван выявить характер имагологической составляющей коллективной стратегии авторов-сибиряков при обращении к той или иной иноязычной культуре, о которой писал Г.Н. Потанин (1988: 75), считавший, что «нужно переводить с иностранного не на язык, этого недостаточно, а на формы русской жизни, на формы русского чувства».

Первыми на страницах изданий появляются литературно-критические статьи об идеях Чезаре Ломброзо (Cesare Lombroso, 1835–1909) и Гульельмо Ферреро (Guglielmo Ferrero, 1871–1942). Автором цикла отзывов выступил томский критик и переводчик Петр Львович Черневич. Петру Черневичу принадлежит также ряд аналитических обзоров о ведущих фигурах немецкой и французской культуры рубежа веков — Фридрихе Ницше и Эмиле Золя. Характер восприятия Черневичем идей знаковых для эпохи *fin de siècle* фигур является вполне однозначным. Сибирский обозреватель ставит перед собой не

только просветительские задачи, не просто знакомит читателя с передовой европейской мыслью, он творчески подходит к освоению Чужого для создания и выражения Своей программной идеи. Учение и значение Ницше, Золя, Ломброзо проецируются им на современность Российского центра и Сибири, при этом значительно трансформируются. В обзрениях Черневича Ницше предстает в глазах читателя «бедным, сумасшедшим философом», судьба которого достойна сочувствия, а его Сверхчеловек трактуется в идеалистическом ключе как романтическая личность (Никонова et al. 2016г).

В 1893 г., представляя свой перевод статьи итальянского социолога и историка Г. Ферреро «Больны ли мы?» (Свп. 1893/107: 2–3), напечатанной во французском журнале, Черневич вслед за автором рассуждает о причинах невроза и пессимизма, охватившего европейское общество конца XIX века. Патологические проявления человеческой психики, обнаруживающиеся в учении немецких философов, творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Э. Золя и других писателей, согласно логике статьи, не следует напрямую переносить в жизнь. Читатель должен опираться только на «свой личный опыт», понимая, что искусство и литература являются вымыслом и «никогда не в состоянии дать нам чистую истину». Черневич полемизирует с Ферреро лишь в том фрагменте, где тот утверждает: «Нормальное состояние человеческой души — это не удовольствие и не страдание, а индифферентность» (Свп. 1893/107: 3). К этой сентенции сибирский обозреватель оставляет примечание:

«Здесь Ферреро неправ; нормальным состоянием нашим является не индифферентность, а, наоборот, ничем не удовлетворимое стремление к новому, неизведанному, стремление, в котором и выражается сама жизнь» (ibid.)

Очевидно, что ему, в целом, импонирует основная мысль итальянского ученого о противостоянии болезни *fin de siècle*, упадку нравов, депрессии и пессимизму. Философско-эстетическая позиция П. Черневича особенно ярко раскрывается в дальнейших его критических публикациях, посвященных восприятию современных идей аналитической психологии и их влиянию на литературу.

Итальянский психолог Ч. Ломброзо вошел в историю благодаря своим эпатирующим трудам, главные из которых были связаны с образом женщины и образом преступника, представлением самоубийства и любви как психопатологий. Три его основополагающие работы находят отражение в сибирской печати. Как известно, Ломброзо, основываясь на своем опыте психотерапевта и статистике в работе «О любви в самоубийстве и преступлении» (Lombroso 1881) устанавливает связь между этими тремя составляющими, отрицая существование любви как ценностной категории или некоего высокого чувства, искомого переживания. По мнению доктора, случаи сумасшествия от любви крайне редки, поскольку речь обыкновенно идет не о

страсти, а о похотливости, обманутом самолюбии или о физических и наследственных причинах. Женщин он считает при этом более склонными к самоубийствам и преступлению, а статистические данные о преобладании мужчин в ряду самоубийц и убийц объясняет нерешительностью женщин, предпочитающих скрывать свои преступные замыслы. В последующих двух своих работах Ломброзо развивает эти идеи в том же, гендерном, направлении: в 1893 г. выходит его следующая книга в соавторстве с Г. Ферреро (Lombroso & Ferrero 1893), посвященная патологиям женщин, где он исследует среди прочего частоту незаконных любовных связей у «преступниц по страсти». В 1899 г. на французском языке публикуется труд о специфике преступных наклонностей представителей различных народов, рас, климатических зон, обладателей тех или иных физиологических признаков (Lombroso 1899).

Обращаясь к трудам судебного психиатра Ломброзо и его соавтора Ферреро, Черневич ставит перед собой не только просветительские задачи, не просто знакомит читателя с передовой европейской мыслью, он творчески подходит к освоению Чужого для создания и выражения Своей программной идеи. Учение и значение Ницше, Золя, Ломброзо проецируются им на современность Российского центра и Сибири, при этом значительно трансформируясь. И если в обзорах Черневича Ницше предстает в глазах читателя «бедным, сумасшедшим философом», судьба которого достойна сочувствия, а его Сверхчеловек трактуется в идеалистическом ключе как романтическая личность, то Ломброзо в первой посвященной ему обширной публикации томского критика 1894 г. выступает провозвестником идеи о высокой и трагической романтической любви, о глубине чувства, на которое способны мужчины и женщины. Переиначивая учение психолога, Черневич использует его имя для оформления аксиологически заряженной мысли, отрицающей позицию итальянского автора. Томский обозреватель начинает с осторожно выраженной полемической сентенции о превосходстве литератора над ученым в вопросах анализа чувств и глубоких психологических переживаний:

«[...] в настоящее время уже так много написано о самоубийстве, что психологу трудно сказать что-нибудь новое об этом предмете. Существует один только род самоубийства — самоубийство от любви, о котором романисты и драматурги знают гораздо больше, чем психиатры и ученые» \

Как будто пересказывая Ломброзо, Черневич заключает:

«Между тем, к чести нашей эпохи можно выяснить, что любовь еще не исчезла в бездне разнузданности и корыстолюбия, и что самоубийства, имеющие своею причиною любовь, все еще встречаются часто. Пусть моралисты думают что угодно. Но в наш век денег и ажиотажа эти ужасные драмы вместо того, чтобы вызывать негодование, наполняют наши глаза слезами и возбуждают в сердце глубокое волнение. Они показывают, что в наше время мы можем еще испытывать страсти сильные, идеальные и бескорыстные и умеем еще умирать за них»

Как и статью об идее Ферреро, пересказ Ломброзо в исполнении Черневича относится к тому типу межязыкового посредничества, который в терминологии Е. Эткинда именуется «псевдопереводом». Автор подобного рода произведений использует узнаваемые мотивы и сюжеты, контаминируя их по собственному усмотрению, так чтобы его произведение выражало новые смыслы. В данном случае, риторика и логика Ломброзо используются для оформления идей Черневича, противоположных смыслу оригинала.

В следующей заметке, спустя пять лет, сибирский автор продолжает критиковать то влияние, которое аналитическая психология оказала на русскую литературу, теперь уже открыто, а не завуалировано: «Патологией увлеклись даже «выразительные» писатели — Боборыкин, Мамин-Сибиряк, «об этих разных господах Горьких, Вересаевых и *tutti quanti* и более того, по всей вероятности, скоро перестанут говорить» (Свп. 1899/77: 3). По мысли Черневича, роман Толстого «Воскресение» тоже есть следствие влияния этих идей и поэтому «должен пострадать в своей жизненности», поскольку выражает патологическое психологическое настроение современного интеллигента, так как его отношение к чувству не есть любовь, но удовлетворенность. Замечая, что «нормальный человек в литературных произведениях отсутствует, а вместо него писатели, наперерыв друг перед другом, стараются познакомить нас с разными психопатами» (*ibid.*). П. Черневич задается риторическим вопросом «чем же вызвана эта мода?» и тут же отвечает:

«Источник ее заключается в крайнем развитии всеобщего интереса к разным психофизиологическим явлениям, с которыми познакомила нас в последнее время наука. Шарко, Ломброзо, Флери и другие открыли глазам читающего мира как будто совершенно новый, неведомый до сих пор мир, в котором каждый тип представляется чем-то особенным и каждое явление какою-то таинственной загадкой. Всеобщему увлечению поддавалась, конечно, и литература.» (*ibid.*)

Наконец, в этом же году томский обозреватель публикует свой отзыв на третью из основных гипотез Ломброзо, приводя доводы в пользу того, что склонность к преступлению — это явление социальное, но не индивидуальное, то есть оно подвластно человеческой воле. При этом он делает мнимый реверанс в сторону психоаналитики Ломброзо, как будто признавая его значение:

«И тем не менее, при всех самых ошибочных наблюдениях и выводах, недостаточно обдуманно и скороспело высказанных суждениях, заключениях по вопросу о типе преступника, заслуга Цезаря Ломброзо громадна и в высшей степени благодетельна для человечества, потому что он сумел ярко и выпукло показать миру преступника и привлечь к исследованию его более сильные умы, работы которых дали нам совершенно противоположные ломбровозской школе «уголовной антропологии» результаты.» (Свп. 1899/226: 2)

В 1902 г. в местной печати вновь возникает имя Ч. Ломброзо, на этот раз в связи с дискуссией, инициированной его последователем и оппонентом М. Нордау. В статье «Сибирского вестника» анализируется их полемика по поводу преступности как сущностной человеческой склонности, а также по поводу основных положений уголовно-антропологической доктрины. По сообщению сибирского издания, Нордау утверждает, что преступник — не атеист, как полагает его учитель Ломброзо, и не дикий зверь, не пережиток прошлого, а «паразит, и, как таковой, продукт, сравнительно, новейшего времени», при этом преступник

«может не носить на себе никакой бросающейся в глаза печати; мало того, в нем можно даже видеть представителя передовой расы, если обращать внимание на ту или иную функцию его организма, взятую в отдельности. Тем не менее, он — паразит и, как паразит, всегда — *minus habens* по сравнению с автозитами, с нормальными людьми, всегда отмечен известным нравственным недочетом» (Свп. 1902/170: 3).

«Удивительно», — заключает местный журналист, — «что за Максом Нордау, отрицающим религиозно-духовное отношение к преступнику, остается последнее слово. Очередь за Ломброзо.» (ibid.) Очевидно, учитывая обозначившийся прежде характер рецепции этих идей, то местному корреспонденту импонирует в большей степени позиция Нордау.

Из новостных анонсов томских газет следует, что местные читатели могли самостоятельно познакомиться с некоторыми сочинениями Ломброзо, приобретя их в книжных магазинах. Так, в 1906 г. в книжный магазин Макушина поступила книга Ч. Ломброзо «Психология поцелуя» (Смег. 1906/3: 3), в которой судебный психиатр высказывал свои наблюдения о том, что поцелуя как символа любви не существует, а жест мог быть перенят у птиц как акт кормления, то есть он был проявлением материнского инстинкта, который, по мысли Ломброзо, играет главенствующую роль в жизни женщины и изначально преобладал над половым. Очевидно, читатель мог приобрести изданный в Санкт-Петербурге в 1901 г. перевод с французского (Ломброзо 1901). Примечательно, что именно эта работа Ломброзо, в меньшей степени, чем другие, дискредитировавшая сам образ женщины, но задававшая его прочтение в русле, близком духовно-ориентированной аксиологии, появилась в продаже в Томске одной из первых.

Критические обзоры Черневича, с одной стороны, имеют программный характер для итальянского текста сибирской периодики в целом, поскольку любовные мотивы, женские образы и тема преступления, суда и узничества определяют и выбор переводов с итальянского. В библиографии переводов, вышедших на страницах сибирских изданий, обнаруживается не менее 17 публикаций, первая из которых датируется 1891 г., а последняя — 1911 г. Среди

них имеются как поэтические, так и прозаические произведения, главным образом, они принадлежат современникам, то есть итальянским авторам рубежа веков. Исключение составляет стихотворение «Женщинам», заимствованное сибирским поэтом Георгием Вяткиным (1885–1938) из наследия романтика Джакомо Леопарди (Giacomo Leopardi, 1798–1837).

Магистральным направлением итальянской литературы рубежа XIX–XX вв., как известно, был веризм (*il verismo*, от слова *vero* — истинный, правдивый), представители которого ориентировались на объективность отображения социально-психологических конфликтов и предпочитали жанр новеллы, поэтику чувства и жанр отрывка, что импонировало заимствованию их произведений для публикации в газете. И все же, как направление, веризм был достаточно разнородным. По верному замечанию Б.Г. Реизова, автора вступительной статьи к самому крупному советскому изданию итальянских новелл этого периода в русских переводах, «десятки писателей, так или иначе включившихся в это литературное направление, приносили в него свои индивидуальные особенности, темы, стиль и манеру» (Реизов 1960: 5). Предпочтения авторов и редакторов сибирских изданий оказались на стороне итальянских писательниц и малой прозы лирического, сентиментального характера, посвященной сюжетам из жизни женщин и девушек, персонажи которых выступают в роли рассказчиц и главных героинь почти во всех выбранных для публикации произведениях-переводах.

В 1903–1904 гг. в «Сибирской жизни» и «Сибирском вестнике» публикуется цикл новелл Матильды Серао (Matilde Serao, 1856–1927), при этом один рассказ был перепечатан из «Харьковского листка» и два опубликованы в переводах местных авторов. Из творчества писательницы выбраны новеллы, имеющие в переводе названия «Сердце Мими» (Свп. 1903/177: 2), «Старое окно» (Свп. 1904/247: 2) и «Загадка» (Сж. 1904/78, 79: 2), повествование которых разворачивается вокруг женских характеров. Социальная и народническая тематика, составлявшая наряду с женской темой эстетическое кредо писательницы, в этих произведениях не выражена. Сюжеты рассказов разворачиваются вокруг образов главных героинь. Так, благодаря женским хитростям юной Мими (в оригинале — *Lulù*), завлеченный ею жених-франт становится мужем ее сестры, более подходящей ему по складу характера, и удостоверяется в существовании настоящей любви. Его конечный монолог гласит:

«Perchè io l'ho sostenuto sempre — dice Roberto Montefranco ad un amico, parlandogli del suo matrimonio gli sposi debbono essere di carattere opposto. Gli estremi si toccano. Così s'intenderanno, si fonderanno, formeranno un tutto complete — mentre quelli di inclinazioni eguali somigliano due parallele: camminano insieme ma non s'incontrano mai. E poi, quando ci è l'amore.....! L'ho sempre detto!» \

В переводе из сибирской газеты, соответственно:

«Ты знаешь, я всегда говорил, что супруги должны иметь противоположные характеры, — говорил Роберт одному из своих друзей, объявляя ему о своей свадьбе. Крайности сходятся и в конце концов сливаются, образуя нечто цельное и единое, тогда как одинаковые натуры похожи на две параллельных линии, идущих рядом, но никогда не сливающихся... И потом, существует любовь!.. Я всегда это говорил!» (Свп. 1903/177: 2).

Схожий сюжет о любовных переживаниях двух сестер имеет новелла «Старое окно», героини которой Изотта и Барбелла

«облокачивались на выступ окна, из которого открывался вид на весь огненный горизонт заката и на реку, чтобы поговорить о любви, хохоча, как маленькие дурочки, потому что они не любили своих воздыхателей. [...] оно, это старое окошко, соучастник всех этих безумств, всех мечтаний...» (Свп. 1904/ 247: 2).

В 1903 г. в «Сибирском вестнике» вышли две перепечатки переводов стихотворений еще одной яркой представительницы веризма Ады Негри (Ada Negri, 1870–1945), а в 1909 г. в «Сибирской жизни» был опубликован стихотворный перевод одного из ее произведений, выполненный местным автором Иосифом Ивановым и представляющий обращение героини к ищущему ее внимания мужчине, не способному на высокие мысли и поступки. Репрезентативная для творчества поэтессы рабочая тематика оказалась выраженной в произведении «Пожар шахты». В первом тексте отражена тема страдания и слез, голос лирического Я принадлежит героине-женщине так же, как и в переводе Иванова:

Безвестные
(из Ады Негри)

слезы

Вы льетесь над снами былыми, над прошлую давнюю скорбью, теперь позабытой; уста говорят — и на сердце горит не закрытая рана. ... Никто никогда не узнает, какая печаль без просвета порвала струны его. (Свп. 1903/106: 3)

Пожар шахты

Новые жертвы сойдут в бездну шахты, живые страдальцы — как на битве — сменят павших товарищей... А дети несчастных, дети погибших! Что с ними? В нищете невежества вырастут они и сойдут в ту же шахту. (Свп. 1903/86: 2)

Из Ады Негри

Я любила б тебя и гордилась бы тобой,
За безумный порыв, за боренье с судьбой,
За великий намеченный путь! (Сж. 1909/137: 3)

Схожий пафос имеет и опубликованный последним из всех переводов с итальянского рассказ супруги Л. Капуана, писательницы Аделаиды Бернардینی (Adelaide Bernardini, 1872–1944), мистико-романтический сюжет которого основывается на воспоминании мужа о своей давно умершей жене, упрекавшей его накануне смерти за непонимание:

«Ты полагал, что любишь меня, или, по крайней мере, надеялся, что наступит такой день, когда полюбишь. И в течение восемнадцати месяцев искали друг друга и не нашли... мы искали и не находили никогда. Ты ходил около меня, не замечая моего присутствия» (Сж. 1911/169: 2).

Итальянские новеллы авторов-мужчин, вышедшие в дореволюционных сибирских изданиях, также посвящены любовной тематике, на фоне которой реализуются различные вариации женских образов. В новелле Уго Ойетти (Ugo Ojetti, 1871–1945) «На океане, в лунном сиянии...» национальные стереотипы в любви становятся предметом рассуждения героини-американки, вспоминающей о любовной истории, связавшей ее в молодости с художником-итальянцем, менталитет которого так и остался для нее непонятным:

«Gl'italiani sono troppo scettici. Non so perchè le nostre amiche, quando ci imbarchiamo per l'Europa, ci ripetano con tanta ostinazione che voi italiani siete pericolosi perchè siete troppo appassionati» (Ojetti 1902: 14).

Перевод в сибирской газете был выполнен довольно точно:

«Итальянцы слишком большие скептики. Не понимаю, почему наши друзья, побывавшие в Европе, с таким упорством утверждают, что вы, итальянцы, опасны, потому что вы очень страстны» (Свп. 1903/241: 2).

Нужно понимать, что национальный вопрос, пусть даже и в художественном преломлении, интересовал итальянского автора по причинам, которые обратили его к сторонникам фашистской идеи. В сибирских газетах в контексте программных идей областников, реализованных среди прочего в корпусе оригинальных и переводных художественных текстов, рассказ Ойетти получает совершенно иной ореол осмысления, как и идеи уголовной и гендерной психологии Ломброзо. Своими стратегиями обращения с современными иностранными эстетико-философскими идеями и художественным их воплощением сибирские авторы-переводчики и критики полемизируют с их деструктивной, упаднической направленностью. В самом выборе произведений для перевода заключается суть этой полемики, при этом в характере передачи текста на русском языке не обнаруживается искажающих приемов, содержательный план текста транслируется в иноязычную форму на достаточно высоком уровне точности. Показательным примером резонантной рецепции выступает перевод новеллы представителя идеалистического психологического направления в итальянской литературе Антонио Фогаццаро

(Antonio Fogazzaro, 1842–1911) в новелле «Из-за одного лепестка розы», переведенной Е.В. Фуксом специально для «Сибирской жизни». По выражению Б.Г. Реизова

«Фогацаро, не пренебрегавший картинами человеческих бедствий, все же предпочитал рассказывать о представителях высшего света с их утонченными переживаниями, нравственными сомнениями и религиозно-мистическими представлениями о духовном совершенстве. Нравственное совершенствование оставалось для него основной задачей человечества» (Реизов 1960: 5).

Такая направленность художественных исканий Фогаццаро коррелировала с программными аксиологическими идеями областнической программы. В основе сюжета новеллы оказываются любовные чувства короля и принцессы враждующих государств, и их политические взгляды становятся предметом внимания, при этом «политические соображения казались королю ничтожными, любовь же царила над ним безраздельно» (Сж. 1904/12: 2).

Наконец, уникальным в своем роде примером воплощения стратегии, характерной для рецепции итальянской литературы в сибирской периодике, является перевод стихотворения Леопарди «На свадьбу сестры Паолины», выполненный Георгием Вяткиным и опубликованный в 1910 г. в «Сибирском вестнике» под заглавием «Женщинам». В отличие от описанных выше данный перевод воплощает последовательную трансформацию, предпринятую автором, использовавшим произведения зарубежных поэтов в качестве творческой лаборатории для развития собственного поэтического слога. Если у Леопарди призыв к женщине, с одной стороны, имеет конкретного адресата и повод (свадьба сестры), с другой стороны, связан во многом с протестом против социальной несправедливости и выражен в соответствующей риторике, то в переводе Вяткина обращение к женщинам принимает форму лирического размышления о любви и наставления всем девушкам и «матерям страны». Цель Вяткина — смоделировать своего рода кодекс поведения женщины, и он укладывается в традиционную аксиологию, связанную со способностью женщины любить, сострадать и воспитывать детей. Такой образ создается в сибирской переводной литературе целенаправленно в контексте противостояния современным феминистским веяниям эпохи *fin de siècle*. Оригинальная позиция Г. Вяткина особенно выразительно видится при сопоставлении строк его перевода с переводом М. Ватсон, выполненного пятью годами ранее:

М. Ватсон

На свадьбу сестры Паолины

Стыдитесь называться матерями
Потомства жалкого! Учите чад своих
Сносить бестрепетно страданье, горе,

Удел обычный всех высок кто духом!
А то, что век позорный чтит и ценит,
Учите осуждать их, презирать.

Пускай для родины, для дел великих
Они растут, и твердо помнят доблесть
Своих отцов, их преданность отчизне.
О, если б Рим, глубоко погруженный
В позорный сон, вновь женщина геройски
Сумела бы встряхнуть и воскресить!! (Ватсон 1905: 141–143)

Г. Вяткин
Женщинам
(Из Леопарди)

... Любовь — святой родник возвышенных стремлений,
Любовь и красота — цель жизни мировой.

... О, девушки! Пускай тиран, творец оков,
И нищий духом трус, терзаясь и ревнуя,
Не знают никогда ни ваших нежных слов,
Ни ваших страстных ласк...

Любите тех, кто полон и сил и вдохновенья,
Кто шествует вперед под знаменем борца...
О, матери страны! Молю вас, научите
Своих детей — любить великие мечты
И детские сердца взлелейте и взрастите
Для торжества добра и красоты. (Сж. 1910/192: 3)

Более характерная для веризма в целом социально-бытовая тематика отражена в пяти переводах четырех новелл, героями которых становятся мужчины-преступники или представители социально неблагополучных слоев общества. К примеру, открывают цикл художественных переводов с итальянского в сибирских газетах новелла Э. Кастельнуово «No fame» в двух разных переводах: в 1891 г. в «Сибирском вестнике» печатается перевод под заглавием «Я есть хочу» (Свп. 1891/100: 2), а спустя 5 лет в «Томском листке» выходит другой вариант русского перевода под названием «Я голоден» (Томский листок 1896/260: 2). Переводная множественность в данном случае свидетельствует об интересе к сюжету новеллы, в которой социальное неравенство между нищенствующим, но крепким физически, героем-мальчиком и его большим сверстником из знатного рода нивелируется за счет авторского нарратива, повествующего о случайной их встрече, при которой голодный получает из рук богатого булку, при этом финальная трогательная

сентенция о главенстве общечеловеческого начала над социальным высказана женским голосом матери нездорового ребенка.

Идентичный сюжет раскрывается и в переводе новеллы Орацио Гранди (Orazio Grandi, 1851–1922) «Музыка голода» (Свп. 1903/115: 3), в котором несчастная мать погибает от горя и голода после голодной смерти своего младенца. Социального или политического протеста при этом в повествовании практически не слышится, нарратив отличается глубоким психологизмом, читатель ощущает в первую очередь сочувствие материнскому горю.

Тем же пафосом проникнута и новелла Р. Бракко «Маленькая воровка», перевод которой был выполнен в 1906 г. специально для «Сибирской жизни» (Сж. 1906/119: 2). Образ доброй и милосердной девочки-воровки в этом произведении сопоставляется с образом холодного и забывшего про искренние чувства мужчины, которого она считает своим отцом. Подобный сентиментально-лирический пафос в изображении преступления и наказания реализуется и в переводе произведения Д. Верга (Giovanni Verga, 1840–1922) «В суде», вышедшем в 1903 г. (Свп. 1903/137: 2) Исключение в этом ряду составляет, пожалуй, лишь рассказ «Ларь с хлебом», взятый из наследия Г. д'Аннунцио (Gabriele D'Annunzio, 1863–1938). Его перевод, выполненный специально для местного издания (Сж. 1908/48: 2), содержит историю об убийстве, совершенном героем с целью наживы, и представляет историю в несглаженных натуралистических тонах. Такой поворот в характере художественного метода представляемых переводов связан не только с авторскими интенциями переводчиков, но и с изменением социально-политической обстановки в Сибири после восстаний 1905 г., когда спор о преступности вновь приобрел актуальность на страницах местной печати.

Характер восприятия в сибирской дореволюционной периодике и театральной жизни итальянского веризма в искусстве созвучен столичной русской рецепции, где социально-психологическая драма, посвященная буржуазным и народным нравам и имеющая характерный для веризма ярко маркированный национальный колорит, рисующая итальянские типажи, привязанные к региональному типу сознания ситуации и конфликты (Р. Бракко, М. Прага, Э.А. Бутти, Д. Роветта и др.), играла гораздо менее значительную роль (Сапрыкина 2008: 6), чем итальянская опера, в особенности постановки Д. Верди. Полемика вокруг постановок опер Джузеппе Верди, конфронтация между сторонниками и противниками итальянофильских настроений в театральной среде (П.И. Чайковского, критиков А.Н. Серова, С.Н. Кругликова, Н. Курова, С. Гена), по замечанию Ю.Н. Галатенко, способствовала «волнообразному успеху постановок опер Верди на русской сцене

На сибирской сцене имя Верди, по сути, стало знаком итальянского театра, оттеснив на задний план все другие имена музыкантов и драматургов, классиков и современников. По материалам рецензий за 1891–1906 гг. можно судить о том, что оперы Верди ставились на томской сцене не менее полутора десятков раз, при этом не менее, чем четыре раза каждая из опер — «Аида», «Травиата» и «Риголетто». При этом критика постановок приводит авторов к имагологически окрашенной мысли о путях развития сибирского театра. Первое же сообщение местного театра о постановке содержало восторженный отклик и его рекомендацию относительно репертуара томских театров:

«Время оперетты с той легкой, бьющей на чувственность музыкой уже проходит, и в России, и за границей. И у нас, в Сибири, оперетка не может держаться долго и ее успех скоропроходящий» (Свп. 1891/10: 3).

И действительно, спустя два года «Травиата» впервые была поставлена томской труппой, и если первые отзывы строгого критика Всеволода Долгорукова были достаточно категоричными, то начиная с 1897 г. он сменил гнев на милость, и стал отмечать, что «Аида» «была поставлена с большим эффектом», «костюмы и декорации соответствовали эпохе» (1899), «глубокое, сильное, захватывающее впечатление произвела г-жа Картавина в опере Верди «Травиата»» (1899), исполнение «Риголетто» «производило местами сильное впечатление» (1899), «эстетическое чувство достаточно развито в Томске» (1900).

Последняя из рецензий, вышедшая в 1906 г. в «Сибирской мысли» на гастрольную постановку оперы «Риголетто» содержит не потерявший своей актуальности донныне оригинальный критический отзыв вполне компетентного автора о творчестве Верди в целом. Так, подписавшийся псевдонимом «Аккорд» обозреватель пишет:

«Все творчество Верди может быть разделено на два периода, резко отличающихся друг от друга. К первому периоду его творчества относятся оперы — «Ломбардцы», «Сила судьбы», «Навуходоносор», «Симон Боканера», «Дон Карлос», «Сицилийская вечерня», «Луиза Миллер», «Эрнанд», «Бал-Маскарад», «Травиата», «Трубадур» и другие — в которых Верди является типичнейшим представителем староитальянской школы, признававшей, что в опере главное значение имеет только «голос, голос и голос».

И чего только Верди, как и большинство его современников и предшественников, не делал в угоду этому «голосу». Все богатейшие средства оркестра в инструментальной музыке, как и глубина и выразительность драматического декламативного стиля в музыке вокальной, — были доведены до жалкого *minimum*'а. Царило одно *bel canto*. Это был потоп бесконечных кантилен (со всеми миллизматическими завитушками), правда весьма сладкозвучных и благодарных для голосов (в особенности итальянских), но совершенно лишенных

общехудожественной и музыкальной правды. Среди указанных опер первого периода творчества Верди почти совсем особняком стоит его «Риголетто». Вся концепция этой оперы, — музыкальная и разнообразная характеристика и язык ее героев, как и фактура оркестровки, — до некоторой степени уже изобличают будущего творца «Аиды», «Отелло», «Фальстафа». А если от «Риголетто» до «Аиды» Верди сделать шаг назад и вернуться временно к прежнему пустому «ушегодию» («Травиата», «Трубадур», «Дон Карлос», «Сицилийская вечерня», «Симон Боканера» и др.), то это только доказывает, что он как человек был слишком слаб, чтобы бороться с господствующей рутинной. Но как «художник», он несомненно целой головой выше стоял окружавшей его среды, что он и доказал впоследствии.» (Смег. 1906/3: 3)

Необходимо заметить, что активное обращение к итальянской литературе, идеям историков и психологов, операм Верди сопровождается и информационно-новостным дискурсом. Сибирский читатель узнает о последних новостях в области внутренней политики, экономики, парламентской и общественной жизни Италии рубежа XIX–XX вв. Однако, сосуществование на страницах сибирской дореволюционной периодики различных имагологических заряженных сверхтекстов в их взаимодействии, безусловно, призвано форсировать развитие локального самосознания. Пример такого смещения можно найти в ранней заметке 1886 г., посвященной анализу драмы Шиллера «Мария Стюарт», где критик находит следы «итальянского деспотизма и английского конституционализма», различия мировоззренческие, но по-прежнему не принимает ее прочтение в русле феминистских настроений:

«Мария Стюарт и Елизавета обрисованы Шиллером совершенно неверно с точки *исторической* правды: первая вовсе не была симпатичною страдальцей, преследуемой судьбой и злобой, но весьма мелкой интриганткой, воспитанной в школе лжи, жестокости и душевного разврата Мадичисов; вторая, при всех своих недостатках, не олицетворяла собой коварства и была очень мудрой и благотельной правительницей; во вторых, борьба между этими двумя королевами не была борьбой двух женщин, а борьбой двух государственных принципов (итальянского деспотизма и английского конституционализма)» (Сг. 1886/47: 3).

Устойчивый интерес сибирских авторов, публиковавшихся преимущественно в газетах университетского Томска, к Италии мог быть мотивирован и внутренним созвучием социально-экономических задач европейской страны (развитие промышленности, миграция, аграрный кризис, низкий уровень жизни рабочих) и целей ее культурного развития (интеграция северных и южных областей) соответствующим программным установкам областников в Сибири.

Итальянский метатекст периодической печати Сибири рубежа XIX–XX вв. возникает вследствие активного литературно-философского диалога

сибиряков с европейской словесностью, театром, философией и наукой. Как отмечал Ю.М. Лотман, в результате подобного «смещения культурных тенденций Запада и Востока» и возникают «тексты, образующие некий многоплановый культурный континуум, способный генерировать новые с точки зрения обеих традиций тексты» (Лотман 1992/1: 32).

Итальянский текст сибирской дореволюционной периодики представлен разнообразными типами публикаций (критическими разборами, переводами, театральными рецензиями, информационно-новостными сообщениями) и является целостным оригинальным топосным текстом русской словесной культуры территории. Смысловой и композиционный стержень итальянского текста образуют женский вопрос и тема преступления и наказания, что выражается в характере критики идей Ч. Ломброзо, женской прозе и конструировании женских образов в круге переводов с итальянского. Итальянский текст регионального масштаба связан с формированием региональной культурной идентичности и имеет имагологическую функцию, связанную с развитием традиционной системы ценностных представлений о Себе и Другом, а также неприятием декадентских настроений в их крайнем выражении через посредство зарубежной художественной литературы, музыки и театра, современных философских идей.

Итальянский текст сибирской дореволюционной печати, с одной стороны, представляет интерес в плане изучения словесной культуры территории, регионального культурного самосознания, формировавшегося в условиях фронта. С другой стороны, русско-итальянский диалог в исполнении авторов сибирских изданий заслуживает специального внимания как прецедент резонантной рецепции, характерной для периода рубежа XIX–XX вв., представляющего особый этап в истории межкультурных контактов народов, который видится исключительным в сопоставлении с другими, гораздо более подробно изученными периодами и сегментами в истории русско-итальянских связей.

Источники¹

[Свп]: *Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни*: [газета]. Томск, 1885–1905.

[Ст]: *Сибирская газета*. Томск, 1881–1888.

[Сж]: *Сибирская жизнь: газета политическая, литературная и экономическая*. Томск. [б. и.], 1894–1919.

[Смер]: *Сибирская мысль: ежедневная газета*. Томск, 1906–1907, 1918.

¹ Доступны на сайте Научной библиотеки Томского государственного университета: www.lib.tsu.ru/ru/kollekciya-sibirskih-i-dalnevostochnyh-gazet-v-fonde-nauchnoy-biblioteki-tgu

Библиография переводов с итальянского в сибирской периодике 1890-1910-х гг.

- Я есть хочу. Рассказ Энрико Кастельнуово. *Сибирский вестник*. 1891. № 100.
- Я голоден. Рассказ Кастельнуово. *Томский листок*. 1896. № 260.
- Фантазия. С итальянского. *Сибирская жизнь*. 1903. № 80. [Подпись: Харьк. л.]
- Пожар шахты. Из Ады Негри. *Сибирский вестник*. 1903. № 86. [Подпись: Перм. край.]
- Безвестные слезы (из Ады Негри). *Сибирский вестник*. 1903. № 106. [Подпись: Астрахан. вестн.]
- Музыка голода (Рассказ Орацио Гранди). *Сибирский вестник*. 1903. № 115. [Подпись: С.-З. С.]
- В суде. Рассказ Верга. *Сибирский вестник*. 1903. № 137. [Подпись: Курьер.]
- Сердце Мими. Матильды Серао. *Сибирский вестник*. 1903. № 177. [Подпись: Перевод М.Ш.]
- На океане, при лунном сиянии (Уго Ожетти). *Сибирский вестник*. 1903. № 241. [Подпись: Сев.-зап.сл.]
- Из-за одного лепестка розы. Из новелл А. Фоганцаро. *Сибирская жизнь*. 1904. № 12. [Подпись: Пер. для «Сиб. ж.».]
- Загадка. Матильда Серао. *Сибирская жизнь*. 1904. № 78,79. [Подпись: Харьк. л.]
- Старое окно. М. Серао. *Сибирский вестник*. 1904. № 247. [Подпись: Перевод для «Сиб. вестника».]
- Маленькая воровка. Р. Бракко. *Сибирская жизнь*. 1906. № 119. [Подпись: Пер. для «Сиб. жизни».]
- Ларь с хлебом. Г. д'Аннунчио. *Сибирская жизнь*. 1908. № 48. [Подпись: Пер. для «Сиб. ж.».]
- Из Ады Негри. *Сибирская жизнь*. 1909. № 137. [Подпись: Иосиф Иванов.]
- Женщинам (Из Леопарди). *Сибирская жизнь*. 1910. № 192. [Подпись: Г. Вяткин.]
- Сладость воспоминания. Аделаиды Бернандини. *Сибирская жизнь*. 1911. № 169. [Подпись: Б.Ц.]

Театральные рецензии о постановках опер Д. Верди в сибирской периодике 1890–1910-х гг.

- Театр и музыка. *Сибирский вестник*. 1891. № 10. 3. [Подпись: Неизменный театрал.]
- Театр и музыка. *Сибирский вестник*. 1893. № 133. 3. [Подпись: Рецензент]
- Театр и Музыка. *Томский листок*. 1897. № 226. 3. [Подпись С.М.]
- Театр и музыка. *Сибирский вестник*. 1899. № 214. 3. [Подпись: В. Дол-ков.]
- Театр и музыка. *Сибирский вестник*. 1899. № 225. 2. [Подпись: В. Дол-ков.]
- Театр и музыка. *Сибирский вестник*. 1899. № 231. 3. [Подпись: В. Дол-ков.]
- Театр и музыка. *Сибирский вестник*. 1899. № 261. 3. [Подпись: Вс. Дол-ков.]
- Театр и музыка. *Сибирский вестник*. 1899. № 265. 2. [Подпись: Вс. Дол-ков.]
- Театр и музыка. *Сибирский вестник*. 1899. № 286. 2. [Подпись: Всев. Дол-ков.]
- Театр и музыка. *Сибирский вестник*. 1900. №84. 3. [Подпись: Вс. Дол-ков.]
- Театр и музыка. *Сибирский вестник*. 1905. № 149. 3. [Подпись: М.Ф.]
- Театр и искусство. *Сибирская мысль*. 1906. № 3. 4. [Подпись: Аккорд.]

Литература

- Lombroso Cesare 1881. *L'amore nel suicidio e nel delitto*. Torino.
- Lombroso Cesare 1899. *Le crime, causes et remèdes*. Paris.
- Lombroso, Cesare & Ferrero, Guglielmo 1893. *La donna delinquente: la prostituta e la donna normale*. Torino.
- Ojetti, Ugo. 1902. Sull'Oceano, sotto la luna // *Le Vie del Peccato*. 1–14. Milano.
- Serao, Matilde. 1889. Il trionfo di Lulù // *La moglie di un grand'uomo ed altre novelle*
- Асоян, А.А. 1989. *Данте и русская литература*. Свердловск.
- Ватсон, М. 1905. *Стихотворения*. СПб.
- Владимирова, Т.Н. 2010. *Римский текст в творчестве Н.В. Гоголя*. Томск.
- Гребнева, М.П. 2009. *Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности*. Томск.
- Джулиани, Рита. 2016. Гоголь — Гете — Рим, или Треугольник с арабесками. *Имагология и компаративистика*. № 1. 82–102.
- Жилякова, Э.М. & Буданова, И.Б. 2017. А.Н. Островский и Карло Гоцци (С. Gozzi). *Вестник Томского государственного университета*. № 417. 13–20.
- Жилякова, Наталия В. & Шевцов, Вячеслав, В. & Евдокимова, Е.В. 2015. *Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания. Учебное пособие*. Томск.
- Кафанова, О.Б. & Разумова, Н.Е. (ред.). 2009. *Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. (по материалам Всероссийской научной конференции, 20–21 октября 2008 г.: сборник статей)*. Томск.
- Лебедева, О.Б. & Янушкевич, А.С. 2014. *Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков*. Салерно.
- Лебедева, О.Б. & Печерская, Т.И. (ред.). 2011. *Образы Италии в русской словесности. (По итогам Второй международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Russia — Italia» — «Россия — Италия», Томск – Новосибирск, 1–7 июня 2009)*. Томск.
- Ломброзо, Чезаре. 1901. *Психология поцелуя*. Санкт-Петербург.
- Лотман, Юрий М. 1992. *Избранные статьи в 3-х т.* Таллинн.
- Меднис, Н.Е. 1999. *Венеция в русской литературе*. Новосибирск.
- Никонова, Наталья Е. & Горенинцева, В.Н. & Олицкая, Д.А. & Родченко, Ю.И. & Аблогина, Е.В. & Павлова, М.В. 2016а. *Переводы английской и американской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия*. Томск.
- Никонова, Наталья Е. & Олицкая, Д.А. & Горенинцева, В.Н. & Родченко, Ю.И. & Аблогина, Е.В. & Павлова, М.В. 2016б. *Переводы французской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия*. Томск.
- Никонова, Наталья Е. & Серягина, Ю.С. & Олицкая, Д.А. & Горенинцева, В.Н. & Родченко, Ю.И. & Аблогина, Е.В. & Павлова, М.В. 2016в. *Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия*. Томск.
- Никонова, Наталья Е. & Ковалев, П.А. & Серягина, Ю.С. 2016г. «И ключ об нем и слава мрачного философа летела отовсюду»: Ф. Ницше в зеркале сибирской дореволюционной периодики. *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. № 4 (42). 139–156. DOI: 10.17223/19986645/42/11